

Владислав Зритнев

Меч, подобный распятию

*Повести
о крестоносцах*

16+

Меч, подобный распятыю

Владислав Зритнев

Меч, подобный распятыю

«Автор»

2013

Зритнев В.

Меч, подобный распятию / В. Зритнев — «Автор», 2013 — (Меч, подобный распятию)

ISBN 978-5-532-10727-4

Книга состоит из двух произведений, продолжающих традиции рыцарских романов. Герой первой повести – Ричард Корнелий не мог и предположить, что браконьерство во владениях герцога так круто переменит всю его жизнь. Ведь именно благодаря этому он познакомился с красавицей Аделиной, ради которой отправился в Крестовый поход. Ричарду предстоит долгий опасный путь, в котором он столкнется не только с испытаниями, но и с любовью. Во второй повести друг Ричарда – Артур Бэртон продолжает войну за Священный Иерусалим, попутно пытаясь выяснить обстоятельства гибели своего отца. Удастся ли ему это и что за непредсказуемая разгадка ожидает его в финале?

ISBN 978-5-532-10727-4

© Зритнев В., 2013

© Автор, 2013

Содержание

Приключения Ричарда Корнелия, крестоносца из Йорка	5
I. Ричард и Аделина	6
II. Дик-крестоносец	15
III. Сарацинская танцовщица	22
IV. Ричард и Фатима	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Владислав Зритнев
Меч, подобный распятыю

Приключения Ричарда
Корнелия, крестоносца из Йорка

Может, я для того и поехал в Святую землю, чтобы узнать, есть ли Бог...

І. Ричард и Аделина

Над палестинской пустыней ветер развевал флаги. Тысячи людей пеших и конных, множество обозов, знамен и хоругвей предстали бы перед взором случайного наблюдателя, окажись он тогда в тех краях. Прибывшее из дальних стран христианское войско медленно шло сквозь пески. Раскаленное солнце горело, сверкая на копьях и мечах. Армия крестоносцев приближалась к Иерусалиму.

Люди различных наций и из разных государств, говорящие на разных языках и принадлежащие к разным сословиям, составляли это воинство. Бретонцы и лотарингцы, пивовары и рыцари были перемешаны меж собой и скреплены в единую силу духом эпохи, провозгласившей свободу Святых земель. Каждый из пилигримов мог бы поведать свою историю о том, как он попал сюда и почему, оставив плуг и родную деревню, опоясался мечом и стал искать счастья в далекой стране, забыв мирный удел и готовясь отдать жизнь за освобождение Иерусалима – полуреального города из сказок паломников да проповедей приходских священников, города, лежащего где-то далеко-далеко на Востоке, так далеко, что никто из простых крестоносцев и не знал наверняка, существует ли он. Эти люди, по собственной воле отправившись проливать свою и чужую кровь, сознательно приняв все опасности и тяготы Крестового похода¹, были интереснейшим явлением в истории Человечества. Кто-то из них был движим верой, кто-то алчностью, кто-то отчаянием, а кто-то любовью...

Одним из таких искателей приключений был шедший по каменистой пустыне в составе христианского воинства Ричард Корнелий из Йорка. Дик-крестоносец, как называли его тогда, покинувший туманную северную родину ради песков и камней Востока, ради славы и бранной сечи, увлекаемый долгом и верой, а на самом деле... Но обо всем по порядку, вот его история...

Ричард родился в городе Йорке, в те забытые благословенные времена, когда настоящие сражения еще случались гораздо чаще турниров, когда рыцарская слава еще существовала не только как предание седой старины и когда проявить себя проще всего удавалось на поле битвы. Его отец был бедным рыцарем, каким предстояло стать и Дику. Он участвовал в нескольких междоусобных войнах, но, в общем-то, тихо жил и тихо умер, завещав сыну ту же судьбу. Однако Ричарда Корнелия ожидала иная участь.

Убогое имение Ричарда не могло даже прокормить его, поэтому молодому рыцарю приходилось охотиться в угодьях герцога, где водилась прекрасная дичь. А еще у герцога была красивая дочь. И это случайное совпадение послужило толчком ко всем последующим событиям этой захватывающей повести.

В июне года, точную дату которого сэр Ричард Корнелий, с чьих слов записан этот рассказ, позабыл за старостью лет, погода стояла отличная. Солнечные умеренно теплые дни чередовались с дождями, омывающими свежую зелень и насыщавшими растения и водоемы живой влагой. Пышные травы на лугах давали приют кроликам и пищу коровам. Сытые козы и овцы паслись на тучных пастбищах, а в лесах бродили стада оленей и косуль. Казалось, лишь Ричарда Корнелия обошло стороной изобилие. Его неплодородные скудные земли, из года в

---

¹ Крестовые походы – одна из наиболее ярких страниц в истории. Так называется эпоха, продолжавшаяся почти два столетия (1095–1291 годы). Крестовые походы стали одними из важнейших событий Высокого Средневековья. Это были восемь военных кампаний, проводившихся европейскими феодалами в основном на территории Ближнего Востока, но затронувших также Северную Африку и Кипр. Целью Крестовых походов являлось освобождение от мусульманского владычества Иерусалима и других мест, связанных с жизнью Иисуса Христа (Святой земли) и поэтому священных для христиан. На протяжении длительного противостояния успех сопутствовал то крестоносцам, то их противникам. Крестовые походы были начаты Клермонским собором, на котором было принято решение об освобождении Палестины, и закончились взятием мусульманами города-крепости Акры – последнего на тот момент оплота крестоносцев в Святой земле. Эпоха оставила значимый след в истории, а также послужила темой и источником вдохновения в литературе и искусстве последующих веков (здесь и далее – прим. авт.).

год не родящие хлеба, да падеж и без того немногочисленного скота привели к тому, что Дик большую часть времени проводил, браконьерствуя в окрестных лесах, рискуя быть схваченным и повешенным, как придорожный разбойник. К этому рыцарь в какой-то степени был готов, но он и не подозревал, что охота во владениях герцога перевернет всю его жизнь.

... Погожим летним днем молодой всадник ехал через зеленый лес. Это был Дик, отправившийся проверить капканы, поставленные им недавно на зайцев. Он чутко прислушивался к звукам леса, чтобы, издали услышав лесничих герцога, успеть скрыться. Но вокруг лишь шумела на легком ветру листва да пели птицы, словно говоря ему, что опасаться нечего. И Дик ехал, весело насвистывая и с удовольствием вдыхая воздух, пахнувший мхом и лесными цветами. Он почти добрался до своих капканов, как вдруг громкий крик женщины нарушил царящее в лесу спокойствие и заставил его остановиться.

В следующее мгновение на поляну, где стал конь Ричарда, выскочила, вся в пене, гнедая лошадь, в седле которой находилась испуганная юная девушка, пытающаяся ее остановить, изо всех сил натягивая поводья. Промчавшись мимо Дика, она скрылась в чаще. Видимо, испугавшись чего-то, лошадь понесла, и всадница не смогла с нею справиться. Мгновенно поняв это, Ричард пришпорил своего коня и погнался за ними, чтоб спасти девушку.

Гнедая кобыла ошалело мчалась по лесу, ломая ветви, но сильный конь Ричарда вскоре догнал ее. Рыцарь схватил под уздцы понесшую лошадь и, осадив своего коня, остановил и ее. Девушка от пережитых волнений лишилась чувств и непременно упала бы, не подхвати ее Дик. Он бережно опустил спасенную на траву и, облокотив о столетний дуб, всмотрелся в ее лицо, показавшееся ему смутно знакомым.

На нее и вправду стоило посмотреть, она без сомнений была красива. Длинные светлые волосы распушились от скачки, на щеках играл румянец, она тихо дышала, медленно приходя в себя. Легкие локоны, обрамляющие нежный овал лица, изящная шея и платье, подчеркивающее грудь и тонкую талию, делали ее очень привлекательной. Девушка открыла зеленые глаза, и Дик, взглянув в них, тотчас узнал дочь герцога, в чьем лесу охотился.

– Вот так встреча, миледи, подстерегал зайцев, а поймал вас, – рассмеялся Ричард. – Это большая удача!

– Для вас безусловно, – ответила девушка, взглянув на него чуть надменно, – за зайца вас бы повесили, а так отпустят с миром, идите себе куда шли...

– А вы не очень любезны, – весело заметил Дик. – В былые времена порядочные красавицы платили за спасенье любовью, но вы, я вижу, не из таких...

– Что?! – воскликнула дочь герцога, опешив от неслыханной наглости. – За такие речи вас четвертовать надо, а не просто повесить.

– Я польщен оказанной мне честью быть четвертованным за ваше спасение, Аделина, – галантно, но с легкой издевкой произнес Ричард.

Красавица на мгновенье задумалась, потом чуть смутилась и, чтоб переменить тему, сказала:

– Вы знаете мое имя, а я ваше – нет. Кто вы?

– Ричард Корнелий, бедный рыцарь из Йорка, – ответил Дик.

Девушка хотела сказать что-то еще, но в это время раздался собачий лай, послышался топот копыт, и, обернувшись, Ричард увидел слуг Аделины, спешащих к ним на лошадях в сопровождении своры гончих.

– Госпожа Аделина, – взволнованно закричал старичок, ехавший на забавной кургузой кобылке впереди всех, – госпожа Аделина, с вами все в порядке?

– Да, Оливер, – ответила девушка, – меня спас сэр Ричард.

– Сэр? – переспросил старичок, подъезжая поближе и подозрительно разглядывая Дика. – Он больше похож на браконьера...

– Так и есть, – подтвердила Аделина, – меня спас браконьер сэр Ричард Корнелий.

Она посмотрела на него. Почему-то именно в это мгновение она впервые ощутила, что ей нравится Ричард.

– Зря вы ему это сообщили, – негромко сказал ей Дик. – Мне, пожалуй, пора...

– Госпожа Аделина, – вновь заговорил Оливер, – поедemте скорее домой, на сегодня достаточно приключений, а вы, браконьер Ричард, поедете с нами, герцог решит, что с вами делать.

Вооруженные слуги окружили Дика. Он искоса глянул на Аделину, но та не возражала, по своим причинам она хотела, чтобы Ричард отправился с ними.

– Ну что ж, ладно, поехали, – промолвил молодой рыцарь, которому в данной ситуации не оставалось ничего иного. – Хотя, – сказал он, глядя Аделине в глаза, – это и не входило в мои планы...

Девушка отвела взгляд, слегка покраснев, и Дик, начавший кое-что понимать, уже не очень противился ехать с дочкой герцога.

В дороге Ричард узнал от нее, чего испугалась гнедая кобыла. Оказывается, сегодня Аделина выехала со слугами на прогулку и, отъехав от них чуть в сторону, случайно наткнулась на медведя, нашедшего в дупле старой липы гнездо диких пчел и евшего мед. Потревоженный медведь заревел, пошел на них, кобыла испугалась и что есть силы помчалась прочь, унося на себе Аделину. К счастью для дочери герцога, лошадь пробежала мимо Ричарда, который и спас девушку.

Тем временем они приближались к замку. Ричард, слушая всю дорогу доброжелательную болтовню ехавшей рядом с ним Аделины и ловя ее взгляды, уже не тревожился за себя, веря в благополучный исход происшествия. Он чувствовал, что девушка расположена к нему, и это обнадеживало рыцаря. Правда, надежды его не шли дальше того, что герцог в благодарность за спасение дочери выдаст ему кошель с золотом и отпустит с миром домой, что, впрочем, для бедного Дика было бы совсем неплохо. А о красавице Аделине он, честно говоря, в тот момент не задумывался. Вернее, думал, но, несмотря на всю ее возникшую к нему симпатию, он понимал, что девушки ее круга до свадьбы хранят невинность, а замуж выходят исключительно за богатых и знатных лордов, каким никогда не был Ричард Корнелий, бедный рыцарь из Йорка. Впрочем, как оказалось, он еще плохо знал жизнь...

Они проезжали по живописным местам. Дубы шелестели на ветру молодой листвой, клены, будто бы разговаривая с ольхами, вторили им на свой лад. На ветвях пели птицы, в кустах прятались рыжие лисы, под корягой спали ежи, а к маленькому лесному пруду пришел напиться воды олень и, обмакнув копыто в воду, замер, с тревогой смотря на проезжающих мимо путников. Внезапно лес кончился. Выехав из-под тени деревьев, они поднялись на холм, с вершины которого открывался прекрасный вид на окрестности. За спиной шумел вековой лес, а впереди до самого горизонта простирались, изредка перемежаемые рощами, зеленые луга и пашни, где бродил скот и работали крестьяне. Невдалеке стоял герцогский замок.

Суровый вид крепости внушал уважение. Ее мощные зубчатые стены, сложенные из больших камней, окружал глубокий ров, затянутый тиной. В воде плавали кувшинки. Замок имел три башни, шпили которых украшали знамена герцога. В стенах были проделаны бойницы, откуда в случае осады защитники крепости могли обстреливать неприятеля из луков и арбалетов. Перебираться через ров приходилось по узкому подъемному мосту, который сейчас был гостеприимно опущен, но поднимался во время штурма. Миновавшие ров оказывались во внутреннем дворе цитадели, где ее защитникам представлялся решающий шанс остановить противника перед входом в сам замок. Если же это не удавалось, нападавшие прорывались внутрь. И тогда битва шла за каждый этаж и даже за каждую ступеньку крутой винтовой лестницы, ведущей наверх самой высокой башни, где с приближенными воинами герцог с мечом в руках ожидал врагов для последнего боя. Надо сказать, что при жизни своего нынешнего хозяина замок не осаждался ни разу. И ни разу не смогли его взять в прошлом. Заложенный еще

римлянами, перестроенный саксами и усиленный норманнами, он возвышался над окрестностями, как оплот и символ власти живущего в нем лорда.

Дик с Аделиной в сопровождении слуг и старичка Оливера не спеша спустились по пологому склону холма. У его подножия пролегла широкая дорога, ведущая к замку. Выехав на нее, они направились к крепости. Встречающиеся им по пути крестьяне приветствовали Аделину и с интересом смотрели на Ричарда, гадая про себя, кто этот бедно одетый молодой человек со смелым взглядом и почему он с дочерью герцога. Дик не обращал внимания на их любопытство и ехал, погруженный в свои мысли.

Через полчаса они добрались до стен замка. Вблизи крепость выглядела еще величественнее. Искусные каменщики, построившие ее когда-то, потрудились на славу. Увы, не сохранившийся до наших дней, этот шедевр оборонительной архитектуры раннего средневековья в те времена восхищал прочностью и сдержанной красотой романского стиля. Каждый камень был вручную вытесан и положен на раствор из известки и песка неизвестными мастерами, канувшими в Лету. Четкие линии тяжелых стен и громады башен создавали ансамбль, наполненный внутренней мощью и благородным спокойствием. Здесь жили Аделина и ее отец герцог Джонатан Лейстред.

Слуги, спешившись, повели лошадей в конюшню. Оливер остался стоять у рва, не то пригласив, не то приказав Ричарду идти в замок. Аделина отправилась с ним.

Пройдя мост и внутренний двор, они оказались перед закрытой дверью, ведущей в цитадель. Вход охранял вооруженный привратник. Подбоченясь, он стоял, опираясь на алебарду, и меланхолично жевал травинку, временами сплевывая через плечо.

– Пропусти нас, Сэм, – сказала ему девушка, – этот человек идет со мной.

Вынув изо рта стебелек, стражник молча поклонился им и запустил внутрь. Дверь закрылась за спиной, скрипнув на ржавых петлях.

– Сюда, – сказала Аделина, указав рукой в сторону лестницы.

Поднявшись по ступеням, рыцарь с девушкой очутились в просторном зале, где герцог временами устраивал пиры. Вдоль стен стояли дубовые лавки, над ними висели расшитые гобелены, служащие не только для убранства, но и защищающие от холода в промозглые дни. Столов в комнате не было, их ставили только к трапезе, такой порядок в те времена существовал повсеместно. Сквозь небольшие окна в залу вливался свет. Посередине противоположной от входа стены был сложен большой камин, около которого, спиной к вошедшим, стоял седой человек. Обернувшись на звук шагов, он внимательно посмотрел на Аделину, будто не сразу узнав дочь, и перевел взор на Ричарда.

Тяжелый взгляд герцога не понравился Дику, и, чтоб отвести глаза, он нагнул голову, как бы приветствуя лорда. Тот махнул рукой, обозначив, что принял поклон, и, выдержав небольшую паузу, поинтересовался у Ричарда, кто он и что ему нужно. У герцога был странный неожиданно тихий голос, который никак не вязался с его металлическим взглядом. За Дика ответила Аделина:

– Это Ричард Корнелий. Рыцарь. Сегодня он спас меня.

– От чего? – спросил герцог, все еще смотря на Ричарда.

– От лошади, – быстро сказала девушка, – верней, от медведя. То есть от лошади, которую напугал медведь, – закончила она, смешавшись и покраснев.

– Очень странно, – медленно произнес герцог, переводя взгляд на дочь.

– Это случилась в лесу на прогулке, – начала объяснять Аделина. – Медведь испугал мою лошадь, она понесла, и я никак не могла остановить ее. А Ричард Корнелий догнал нас и спас меня.

– Похвально, – сказал герцог, задумавшись. – А что ему было нужно в моем лесу?

На мгновенье повисло молчание. Не сразу сообразив, Аделина неуверенно вымолвила:

– Ему было надо... подышать свежим воздухом!

– Вполне естественно... – сказал герцог, уже сделавший свои выводы, – вполне естественно... – с минуту он помолчал, размышляя. – Хорошо, Ричард, вы можете идти.

– Но, папа, – воскликнула Аделина, – неужели мы не наградим сэра Ричарда за мое спасение?

Герцог уже уходил.

– Что? – спросил он, обернувшись. – Впрочем, можно... Дай ему сама что-нибудь... – закончил он на ходу и покинул залу.

Они остались вдвоем. Аделина улыbnулась Ричарду и залилась краской, быстро опустив глаза. Какое-то время они молча стояли друг перед другом. После чего девушка отошла к окну и с нарочитой непринужденностью стала смотреть во двор. Не оборачиваясь к Дику, она задумчиво произнесла:

– Что же вам подарить?.. Чего вам хочется? – не дожидаясь ответа, Аделина продолжила: – Сэр Ричард, сегодня вы снискали мое самое искреннее расположение. Заслуга ваша столь велика, что я не могу сразу решить, как наградить вас по достоинству. Знаете что, дайте мне подумать до завтра, а завтра вечером приходите к сирени, что растет за замком. Я принесу ваш приз.

Она вновь покраснела и смущенно засмеялась. Ричард был слегка удивлен таким поворотом событий, но не подавал вида. Он поклонился Аделине и собрался идти, однако девушка остановила его:

– Сэр Ричард, – сказала она, – поцелуйте мне на прощанье руку.

Исполнив ее пожелание, Дик ушел.

Выйдя из замка герцога, Ричард направился домой пешком, ведя своего коня под уздцы. Дику хотелось обдумать произошедшее, и он не торопясь шел по пыльной дороге, прикидывая, к чему все это может привести. Как бы то ни было, начало ему нравилось. Теперь предстояло узнать, что за этим последует. Аделина назначила встречу на завтрашний вечер. Это было заманчиво. «Впрочем, – подумал Ричард, – она может и не прийти...».

Аделина пришла. На закате она ожидала его за замком, укрывшись в густой сирени. Девушка сказала отцу, что хочет полюбоваться вечерней природой и посмотреть, как садится солнце. Герцог не возражал, и Аделина стала неспешно (чтоб не привлечь ничего внимания) прогуливаться вдоль крепостных стен, медленно приближаясь к зарослям, где Ричарду была назначена встреча.

Погода стояла тихая. Ясное небо, озаренное последними лучами заходящего солнца, напоминало хрустальную чашу, освещенную яркой свечой. Вдалеке крестьяне гнали в деревню скот на ночь, слышалось мычание коров и лай овчарки. Мирный светлый вечер заворожил Аделину. Она смотрела на зеленые равнины, раскинувшиеся на юге, и на высокий лес, простиравшийся на севере, на дорогу, змейкой вьющуюся меж двух холмов и теряющуюся где-то у горизонта. Представшая перед Аделиной картина, исполненная простотой и естественностью природы, умиротворила ее, и на мгновение она забыла обо всем на свете, отдавшись красоте жизни.

Вскоре девушка дошла до сиреновой заросли, находящейся чуть больше чем в полумиле от замка. Весна в том году наступила поздно – снег сошел лишь в конце апреля, – и поэтому сирень еще цвела, благоухая сладким пьянящим запахом. Аделина скрылась меж кустов, с наслаждением вдыхая насыщенный ароматом цветов воздух, и, улыбаясь в предвкушении встречи, уже была готова броситься на шею Ричарду... Но Ричарда в зарослях не было.

Для нее все сразу потеряло смысл. Солнце садилось, и красота вечера стала медленно блекнуть. Все же Аделина надеялась, что Ричард придет попозже, она присела на большой камень и стала ждать. Прошло минут десять, а она все еще была одна. Ее отчаяние усиливалось, а надежда таяла как снег на жаре, но тем не менее Аделина решила подождать еще.

...А Дик тем временем шел по тайной, известной только ему, тропинке, насвистывая какую-то мелодию, слышанную им недавно от пастухов, игравших на дудочках и пасших коз. Он тоже радовался замечательному вечеру и летней поре. Цветущая природа и хорошенькая девушка, ждавшая его и, видимо, к нему равнодушная, наполняли душу рыцаря особым задором и отвагой. Он был в прекрасном настроении и, хотя по-прежнему не знал наверняка, что принесет ему эта встреча, верил в лучшее и бодро шел к замку, к западу от которого и росла заветная сирень.

Добравшись до цели, Ричард, раздвинув густые ветви, пролез в заросли. Посреди небольшой полянки, окруженной со всех сторон кустами, на камне сидела Аделина, уже не рассчитывающая его дожидаться и готовая заплакать. Подняв голову, она увидела Дика, и, хотя в глазах ее еще стояли слезы, лицо просияло улыбкой. Дик вспоминал впоследствии, что никто и никогда потом не сумел улыбнуться ему так, как она в тот раз. Довольно суровая от природы, но немного сентиментальная душа Ричарда в этот миг потеплела, и какая-то искренняя симпатия появилась в нем к ней.

– Я так долго ждала, Ричард, – сказала Аделина, – что думала уже, что жду напрасно, – в ее глазах на миг вновь показалась печаль. – Но я так рада, что ошиблась, – Аделина поднялась с камня и сделала шаг навстречу к нему.

– Я никогда не нарушаю данного мною слова, – ответил Ричард. – Кроме того, как я мог не прийти, Аделина, на закате вы так изящны...

Это была чистая правда. Она стояла легкая и стройная в лучах заходящего солнца, окружавших ее подобно золотому сиянию и красиво подчеркивающих ее силуэт. Аделина в этот миг была столь хороша, что Дик, залюбовавшись ею, забыл, что еще собирался сказать, и молча смотрел на нее, не тратя себя на слова. Девушка сама продолжила разговор:

– Почему ты так долго шел, Дик? – спросила она, еще на шаг сократив дистанцию. – Твой дом далеко? Где ты живешь, Дик?

– На берегу быстрой речки, что течет за лесом. Там моя вотчина. От отца мне достался развалившийся старый замок и фруктовый сад, отличная псарня, конь и несколько крестьян. Все вместе мы живем тем, что Господь пошлет нам от щедрот своих, и, бывает, довольствуемся малым, зато свободны почти как странники...

– Солнце так красиво освещает окрестности, – промолвила Аделина, приблизившись еще на полшага. – В твоём доме закаты тоже красивы?

– Да, – сказал Дик, – солнце везде прекрасно, так же как и дочери герцогов.

– О, Ричард, ты смущаешь меня, – засмеялась Аделина. Их разделяло еще шага три. – Как интересно ты говоришь, Дик, – продолжила девушка. – Дочери герцогов прекрасны везде, а кто же прекраснее всех из них, Ричард? – спросила она вдруг с внезапным волнением.

– Прекрасней всех та, что всех лучше, Аделина, а лучше всех та, которая передо мной, – ответил Дик.

Аделина расцвела от удовольствия. Их разделяло всего три шага, но она не смела сделать их. Внезапно ею овладела робость, она не решалась идти вперед. Передав это право Ричарду, Аделина замерла на месте, подавшись к нему, и тихо прошептала:

– Сэр Ричард, я принесла ваш приз, подойдите и возьмите его.

Мгновенно преодолев разделяющее их пространство, он привлек ее к себе и поцеловал... Закат смешивал краски. Природа и небо украдкой смотрели на них. Солнце опускалось все ниже, и полумрак постепенно окутывал землю, скрывая их ото всех. Заросли цветущей сирени потонули в ночной тишине, на небе показался месяц, озарив мир лунным светом...

– Мне надо идти, Дик, – прошептала Аделина, пытаясь высвободиться из объятий Ричарда.

– Когда я вновь увижу тебя? – спросил он.

– Завтра, может быть, завтра, жди меня вечером здесь, я приду, если получится тайно отлучиться из замка...

Аделина ушла. Легкая тень выпорхнула из зарослей и побежала, шурша, по траве в сторону крепости. Дик же, рассудив, что до дома идти далеко, остался ночевать в сирени, под ясной луной, с легким сердцем и на свежем воздухе.

С первыми лучами солнца Ричард проснулся. Утренняя прохлада сразу взбодрила его, стряхнув с него сон. Дик потянулся, вздохнул полной грудью и, выбравшись из кустов, пошел домой. Вокруг ярко зеленела листва, всюду пели птицы, восходящее солнце, омывшееся за ночь в подземных водах колодцев и родников, проливало на землю свет, медленно поднимаясь над горизонтом. Дик посмотрел на восток, щурясь от слепящих лучей. Там за многими странами и морями лежала земля, за которую уже второй век насмерть бились Крест с Полумесяцем... Палестина... Но в то утро Ричард не думал об этом. В его душе, так же как и вокруг, пели птицы и светило солнце. Он весело шел сквозь высокие, покрытые тяжелой росой травы, мечтая о сегодняшнем вечере и не задумываясь о завтрашнем дне...

С тех пор Ричард и Аделина стали часто видеться. Чем больше они узнавали друг друга, тем сильнее возникала меж ними привязанность, и Ричард бы непременно женился на ней, но в те времена это было не так-то просто.

...Прошло около года. Сезоны в свой черед сменяли друг друга. В окрестностях замка все было по-прежнему. Коровы давали молоко, крестьяне пахали землю, церковь молилась о благоденствии, и колокола на башне возвещали в свой срок о праздничных днях, а герцог справедливо судил и правил.

Ричард и Аделина провели этот год вместе, тайно встречаясь в зарослях заветной сирени или в запущенном доме Дика. Гуляя в лесу, они уходили подальше в чащу, где могли быть уверены, что будут одни. Они хранили в секрете свои отношения, понимая, что владетельный герцог никогда не позволил бы своей дочери встречаться с нищим рыцарем, каким по-прежнему оставался Ричард Корнелий. Несмотря на это, Дик с Аделиной любили друг друга и были счастливы вдвоем, дни их текли, не омрачаемые ничем, как вдруг неожиданно их безмятежное существование оказалось нарушено...

– Будет, как сказал я, и никак иначе, – гневно говорил герцог, он почти кричал. Аделина пыталась возразить, но он не давал ей вставить слова. – Дочь должна быть покорна воле отца, и я говорю тебе, что ты выйдешь замуж за графа Олдриджа, и не позднее чем через три месяца. Я так решил!

Не желая принимать никаких возражений, Джонатан Лейстред ушел, хлопнув дверью. Аделина осталась одна, сокрушенная этой новостью, как ударом. Уже немолодой граф Олдридж ей совсем не нравился. Владения его находились очень далеко от их дома, и, став его женой, ей пришлось бы уехать туда к нему и никогда больше не видеть Ричарда, которого она любила и который любил ее, с которым ей так хорошо было вместе... Но разве втолкуешь это герцогу? Как ни плакала она и ни противилась браку, отец ее был непреклонен, повелев ей готовиться к назначенному венчанию. Аделина всю ночь провела в слезах, а весь день в мыслях и к следующему вечеру придумала, как расстроить свадьбу.

...Солнце взошло и село. Когда часы на церкви, стоящей неподалеку от замка, пробили одиннадцать, Аделина бесшумно выскользнула из крепости через черный ход и побежала к сирени. Девушка спешила, потому что хотела скорее увидеть Ричарда, а еще потому, что ей было страшно одной в темноте. Она бежала босиком, чтобы шаги ее были меньше слышны в гулких коридорах замка, отчего трава и мелкие камешки кололи ее нежные ступни. Добравшись до сирени, Аделина скрылась в густой листве. Ричард уже ждал ее. Они не виделись несколько дней и потому не сразу заговорили о главном.

– Дик, – сказала наконец Аделина, – отец хочет выдать меня замуж за одного графа, который живет далеко-далеко отсюда, и я не в силах повлиять на него.

– Ты не выйдешь за него! – воскликнул Дик. – Я не допущу этого!

– Мне так приятно слышать это, Ричард, – промолвила Аделина, – но ты тоже не можешь этого изменить.

Повисло молчание. Дик был ошеломлен неожиданной новостью и не знал, что еще можно сказать. Аделина взглянула на него и неожиданно улыбнулась, хотя и печально:

– Ричард, – проговорила она, – есть один шанс избежать этой свадьбы. Но он потребует мужества. Для себя я уже все решила. А ты сможешь сделать свой выбор сам.

– Я надеюсь, ты предлагаешь не вместе повеситься, – с досадой рассмеялся Ричард.

– Нет, конечно, нет, Дик. Но, может, это ничем не лучше, милый, я не знаю... я не могу тебе этого предложить, просить тебя, чтобы ты... – Аделина запнулась, не решаясь сказать. – Приходи в это воскресенье в церковь, ты все увидишь сам... и сам примешь решение, а я... все равно буду любить тебя, – неожиданно заплакав, она убежала.

– Подожди, Аделина! – забыв всякую осторожность, закричал ей вдогонку Ричард. – Какое решение? О чем ты?

Но Аделина уже не слышала его.

...Это случилось в среду. Три дня, оставшиеся до воскресенья, пролетели быстро. В назначенный срок Ричард Корнелий пришел к обедне в церковь, посвященную архангелу Михаилу, и вместе с прихожанами стал слушать службу. Небольшой храм был построен в принятой тогда манере: прямоугольное, сложенное из серого камня здание, крытое двускатной крышей, внутри, как это заведено у католиков, скамьи для молящихся, изваяния святых и алтарь с золотым распятием. Окна были украшены искусными витражами.

Ричард невнимательно слушал священника, читавшего что-то на латыни, и оглядывался, ища Аделину. Она сидела рядом со своим отцом и усердно молилась. Дочитав Писание, священник обратился к народу:

– Братья и сестры во Христе! – начал он. – Все ли вы знаете, как обстоят дела в Палестине?..

...В те времена, стремительно приближающиеся к началу Третьего Крестового похода, спасение христианской веры состояло в прямой связи с сохранением Иерусалима, освобожденного на сто лет раньше описываемых событий и недавно утраченного вновь. Давным-давно, на заре Крестовых походов, Готфрид Лотарингский² отвоевал у сарацин Священный город и создал Иерусалимское королевство, просуществовавшее почти век, вплоть до того момента, когда его последний король Гюи Луизиньян потерпел поражение от Саладина³, вернувшего Иерусалим под мусульманское владычество. Известие об этом повергло Европу в скорбь. И теперь, в легендарные времена Ричарда Львиное Сердце и Фридриха Барбароссы⁴, Рим вновь поднял знамя Креста, намереваясь идти на Восток...

– Братья и сестры! – голос священника отдавался от каменных стен гулким эхом, отчего казалось, что говорят несколько человек. – Все ли вы знаете, как обстоят дела в Палестине?.. Знаете ли вы, что сарацинские псы властвуют над градом Иисуса Христа и что христиане скитаются по Ливану и Анатолии, ища приюта и защиты от бессердечных собак? Величайшие святыни попораны, кровь христиан, пролитая по пустыне, вопиет о мщениии...

Священник долго говорил в том же ключе, подробно описывая бедственное положение дел на Востоке и ужасы, с которыми столкнулось христианское население Святой земли. Многие из присутствующих в церкви со страхом внимали словам проповедника, который в красно-

---

² Готфрид Бульонский, герцог Лотарингский – средневековый герой, военный и политический деятель, возглавивший Первый крестовый поход и освободивший в 1099 году Иерусалим. Первый правитель Иерусалимского королевства.

³ Саладин – мусульманский полководец, султан Сирии и Египта, отвоевавший в 1187 году Иерусалим у христиан.

⁴ Ричард I Плантагенет – король Англии, Фридрих Барбаросса – германский император. Это предводители Третьего крестового похода, в котором также участвовал французский король Филипп Август.

речии мог потягаться с Петром Пустынником⁵, а то и с самим Иоанном Златоустом. Священник рисовал перед паствой картины, проникнутые высоким накалом страстей и драматизмом, словно перенося ее из мирного прихода на поля сражений и в разоренные сарацинами города. Он взывал к чувству долга и добродетелям, обещая прощение всех грехов и вечное блаженство в Царстве Небесном тем, кто поможет святому делу освобождения города Иисуса Христа.

Когда звучный голос священника смолк, церковь наполнилась взволнованными возгласами. Произнесенная речь возымела действие. Несколько мужчин сейчас же приняли крест и, благословенные пастором, принесли клятву принять участие в освобождении Иерусалима. Прихожане приветствовали их одобрительными выкриками. При любых других обстоятельствах такое эмоциональное поведение было бы невозможно в храме, но освобождение Святой земли было настолько особым по статусу событием, что правила, принятые обычно, не действовали сейчас.

После того как шум в церкви немного поутих, Ричард, наблюдавший вышеописанные события и все это время гадающий, зачем Аделина просила его прийти сюда, с удивлением увидел ее стоящей возле золотого распятыя.

Она стояла возле креста, словно Мария Магдалина, и, сдерживая внутреннее волнение, смотрела перед собой, казалось, на всех, но видела только Ричарда. В глазах Аделины блестели слезы. С не меньшим удивлением, чем Дик, на дочь смотрел Джонатан Лейстред.

Справившись с чувствами, Аделина начала говорить. Ее голосок, звонкий и нежный, совсем не похожий на гудящий в сводах голос священника, странно и мелодично переливался в церкви, непостижимым образом вплетаясь в искрящиеся узоры цветных витражей:

– Добрые люди! – произнесла она. – Послушайте, что я хочу сказать! Великая миссия ниспослана всем нам: Святая земля должна быть освобождена! Я родилась женщиной и не могу принять участие в войне, но, чтоб внести хоть какую-то лепту в спасение Гроба Господня и чтоб не быть в стороне от угодного Богу дела, я в эту торжественную минуту перед народом и перед распятым приношу обет, что стану женой лишь того, кто освободит Иерусалим!

Толпа взорвалась восторгом. Речь Аделины понравилась присутствующим. Люди радостно приняли ее слова. Клятва Аделины стала тем кульминационным аккордом, который переводит чувства слушателей на новый уровень. Сказанное дочерью герцога добавило завершающий штрих к разворачивающимся событиям, усилив и укрепив торжественную сакральность происходящего.

Джонатан Лейстред сдерживал обуревающую его ярость. Он знал, что выходка Аделины была нужна ей, чтоб расстроить запланированный брак с графом Олдриджем, и понимал, что это ей удалось. И бешенство кипело в его душе, как никогда в жизни, но он не в силах был отменить обет, данный перед народом и крестом.

Дик, бывший после герцога вторым человеком в церкви, знающим истинную причину поступка Аделины, грустно смотрел на нее, понимая, чего она теперь ожидала. Он не мог предать ее. Он встал и молча принял крест.

---

⁵ Петр Пустынник – монах, блестящий оратор, своими проповедями о бедственном положении Палестины начавший эпоху Крестовых походов и ставший на короткое время одним из лидеров Первого крестового похода.

II. Дик-крестоносец

В конце концов приключения идут на пользу. И Дик, отправившись с крестоносцами, уже ни о чем не жалел. Предвкушая грядущее, он мысленно устремлялся за горизонт вдаль от зеленых берегов родины. Там, на загадочном Востоке, лежала невидимая в дымке Святая земля...

Свежий морской ветер, насыщенный солью и влагой, бил в лицо. Ричард находился на берегу большой гавани, откуда в скором времени должны были отправиться в путь корабли крестоносцев. Суда покачивались на волнах, ожидая отплытия, и пока на них грузили все необходимое для похода, крестоносцы развлекались с веселыми девушками в окрестных тавернах, пьянствуя и готовясь в скором времени отдать жизнь за спасение Иерусалима. Многим не суждено было вернуться домой, и, понимая это, крестоносцы старались беззаботнее проводить мгновения, отпущенные им Богом в последние мирные дни перед отплытием в Палестину. Впереди их ждали битвы и странствия, колючий песок и сарацинские сабли.

Ричард примкнул к небольшой компании рыцарей и вместе с ними коротал дни ожиданий. Впятером пить было веселее, чем в одиночестве, и Дик быстро подружился с новыми товарищами.

Имя одного из них было Бан, он оказался земляком Ричарда. Молчаливый и простой, Бан обычно сидел в стороне, никогда не пьянея, сколько бы ни было выпито. Он мало участвовал в разговорах и не играл в кости. При этом Бан был хорошим и честным парнем, на которого всегда можно было рассчитывать. Среднего роста и ничем не примечательной внешности, Бан обычно носил одежды темных цветов, предпочитая коричневый или черный.

Второй, напротив, был весельчак. Его звали Джеком. Он любил поесть и выпить, напился всегда, громко смеялся и часто засыпал за столом. Одевался как правило в желтые и зеленые цвета.

Третий из друзей – Артур Бэртон из Корнуэла был сыном крестоносца, погибшего в Святой земле во времена иерусалимского короля Болдуина IV. На Востоке Бэртон имел связи, а также какие-то личные счеты, касающиеся его семьи. В крестовый поход он отправился, продолжая дело своего отца и ради его памяти. Мать, одна вырастившая Артура, с детства воспитывала его как будущего крестоносца и внушала ему идею защиты Гроба Господня и отмщения сарацинам. Но когда он вырос и решил отправиться в Палестину, она горько плакала и умоляла – не покидать ее на старости лет, боясь, что сына ждет та же участь, что и его отца. Бэртон же ничего не боялся. Он, безусловно, был фаталистом, хотя не знаю, был ли он верующим. Артур рассуждал об Иерусалиме, исламе и христианстве, однако в его словах всегда чувствовалось больше политики, чем религии. С Востоком он связывал всю свою жизнь, но если бы не ощущение долга перед отцом, довлеющее над Бэртоном, сердце Артура, возможно, навсегда бы принадлежало зеленым лугам и рощам. Артур был сложным человеком, которого, наверное, невозможно описать в двух словах. Кроме того, Бэртон был красив, очень нравился женщинам и предпочитал белые и красные цвета.

Четвертым был Кристофер Джефферсон – единственное в компании титулованное лицо. Лорд Джефферсон был богат и владел большим земельным наделом. Поговаривали, что он был как-то связан с орденом тамплиеров, хотя сам и не входил в их число. Кристофер был высокого роста и довольно худой. Несмотря на свое значимое положение, он предпочитал одежды серого цвета. Про него пока можно мало что рассказать, потому что он не так много времени проводил с друзьями.

Ну, а пятым был Ричард Корнелий – крестоносец из Йорка, про которого читатель уже многое знает, а продолжив читать, узнает еще больше. Геральдическими цветами Дика были серебро и лазурь, то есть синий и белый.

Что еще добавить к их описанию? Джека отличали серые глаза и светлые волосы, Джефферсон носил небольшую остроконечную бородку, а Артур был всегда немного небрит. Все в компании подобралось примерно равного возраста и одинакового положения, за исключением Джефферсона, бывшего лордом, и Бэртона, который оказался чуть-чуть старше остальных.

Очень хорошо, как покажут дальнейшие события, что Ричарду удалось завязать с ними дружбу, потому что Дик заводил не только приятелей, но и врагов. Произошло это так.

Ричард Корнелий с компанией проводили время в таверне «Дом Беовульфа», находящейся на небольшой возвышенности, примерно в четырех милях от берега. Там можно было поесть, выпить и неплохо провести несколько часов.

В тот день, с утра, Ричард гулял вдоль моря, смотря на прибой. Зеленые волны мягко накатывались на берег и уходили назад, обнажая на песке камешки и ракушки. Над водой в упругих порывах ветра кружили чайки, оглашая окрестности печальным криком. Дик долго смотрел на море, а к полудню отправился в таверну, чтоб пообедать с товарищами. Его путь пролегал через деревушку, скрывающуюся меж холмов, недалеко от харчевни.

Это было небольшое селение, состоящее из мазаных глиняных хижин, крытых соломой. В них жили преимущественно рыбаки, промышлявшие в море, их жены возделывали огороды, а также держали коз и домашнюю птицу. Проходя мимо одного из домов, Дик услышал причитания и плач, доносящиеся с заднего двора. Ричард прислушался: возможно, кому-то была нужна помощь. Дом был обнесен ветхой покосившейся изгородью, толкнув калитку, рыцарь вошел во двор. Звуки доносились из-за хибары, где обычно располагаются хозяйственные постройки и птичник. Обойдя хижину, Дик увидел старуху, у которой два оборванца отнимали гусыню. Их немало веселило сопротивление пожилой женщины, но все происходящее ничуть не забавляло Ричарда. Его неожиданное появление застало проходимцев врасплох. Подбежав к ним, Дик сильным ударом свалил одного из воров на землю, и второго постигла бы та же участь, но в этот миг он схватил птицу и бросился наутек. Перепрыгнув невысокую ограду, вор скрылся с глаз. Ричард, раз все равно уж вмешался, погнался за ним. Мерзавец бежал что есть сил, и Дик хоть и не отставал от него, но догнать не мог. Рыцарь видел, как вор бежит по холму, и с удивлением понял, что тот, так же как и он, направляется в «Дом Беовульфа». Через несколько мгновений догадка Ричарда подтвердилась, и оборванец, с гусыней в руках, вбежал в таверну. Дик, зная, что вор теперь уже не уйдет от расправы, вошел вслед за ним.

В таверне было немногочленно. Типичная для средневековых харчевен обстановка выглядела простой и бедной. Люди сидели за грубо сколоченными деревянными столами, посредине комнаты находился очаг, от дыма которого потолочные балки покрылись копотью, небольшие оконца пропускали в помещение мало дневного света, отчего в таверне всегда стоял полумрак. На взыскательный вкус «Дом Беовульфа» не был уютным местом, зато кормили здесь действительно хорошо.

Друзья Ричарда ждали его за столом, не начиная обед, и только пили из больших глиняных кружек эль. Джек, бывший уже немного навеселе, говорил какой-то тост, Бэртон сидел, о чем-то задумавшись, Бан, как всегда, молча уткнулся в кружку, а Джефферсона в таверне не было. Получалось, что Джек произносил тост самому себе, но его это не смущало. Увидев Дика, они замахали ему руками, приглашая присоединиться к ним. Ричард пошел через залу к друзьям, ища взглядом человека с гусыней, и вскоре увидел его в дальнем углу таверны. Там сидели трое, судя по виду, рыцарей, с нашитыми на плащах крестами, это означало, что они крестonosцы, так же как Дик с товарищами, и вор, держа в руках птицу, что-то шептал одному из них, указывая на Ричарда. Увидевший это Артур Бэртон, от которого никогда не ускользали значимые события, толкнул локтем Бана, обращая его внимание на происходящее. Бан оторвался от кружки и хотел сказать о том Джеку, но тот был уже сильно пьян.

Сидящие в углу встали и направились к Ричарду. Один из них выглядел предводителем, он и заговорил с Диком. Это был человек лет тридцати, ростом выше среднего, с мужицким лицом и шрамом на левой щеке. Голос его звучал властно, но хрипло.

– Мой слуга говорит, что ты напал на него, когда он нес мне на обед птицу, – начал он, – ты что же, хотел украсть ее у него?

– Вообще-то я хотел наказать проходимца, подло отнявшего эту гусыню у старухи, – ответил Дик, – но если ты по-прежнему претендуешь на его добычу, то ты не лучше своего слуги.

– А слуга мой не так уж плох, – надменно сказал хозяин вора, – по крайней мере, он всегда выполняет то, что ему велят. И сейчас я прикажу ему побить тебя в наказание за то, что ты влез не в свое дело, и если ты вздумаешь сопротивляться, то мы изобьем тебя вчетвером.

– Это смелое решение, – с сарказмом сказал кто-то за спиной Ричарда. Обернувшись, Дик увидел Бэртона и Бана. – Нападение вчетвером на одного требует, конечно, большой отваги, – продолжил Артур, став рядом с Диком, – и если вы на это отваживаетесь, то недаром нашли кресты, вы сможете победить сарацин... если, конечно, Аллах превратит их всех в муравьев, и то у вас будет немного шансов, – закончил он, усмехаясь.

Неизвестный был озадачен и разозлен.

– Кто это тут такой умный? – раздраженно спросил он, взглянув на Бэртона.

– А на нашей половине вообще дураков нет, – ответил за Артура Дик.

– Господа, может, закончим эти бесполезные препирательства и пойдем на луг за харчевней, – предложил один из сопровождающих хозяина воришки людей, – и там выясним наши разногласия?

Артур равнодушно и насмешливо пожал плечами, Бан никак не отреагировал, общее мнение выразил Ричард, сказав:

– Хорошо!

В сражении на мечах их выходило трое на трое, слуга не участвовал в поединке сеньоров, а Джек еще не пришел в себя, он ведь не знал заранее, что придется драться, поэтому пьяный мирно спал на лавке. Покинув таверну, противники вышли на просторный пустырь за ней и, разбившись на пары, приготовились к бою.

– Правила чести обязуют нас представиться друг другу, – промолвил сэр Бэртон, крайне щепетильный в вопросах рыцарского поведения.

Друзья назвали свои имена.

– Альфред Мор, – сказал предводитель затеявших ссору. Как звали его соратников, для дальнейшего повествования неинтересно.

Вынув и скрестив мечи, рыцари начали поединок. Бэртон великолепно рубился. Бан больше защищался, чем нападал, однако защита его была безупречна. Это устраивало Ричарда, который сражался с Мором. Дик не хотел доводить дело до смертей из-за такого малого в сущности повода. Он рассчитывал лишь покружить с мечами по траве и, устав, бескровно разойтись. Но Артур Бэртон умел драться только насмерть. Он слишком серьезно воспринимал все в жизни. Поэтому через несколько минут он убил своего противника.

В отличие от Артура Дик не умел убивать. Вид неподвижного тела и крови, разлившейся по траве, словно обдал его морозом, мурашками пробежавшим по коже. Бэртон хладнокровно присоединился к сражавшемуся Бану и сразу же ранил его противника в руку.

Альфред Мор, почувствовав неблагоприятное для него развитие событий, бежал с поля боя, скомандовав своему слуге и оставшемуся еще в живых союзнику следовать за ним. Друзья не стали их преследовать.

Переводя дух, Ричард оглядывал место первого в его жизни настоящего сражения. Как странно устроен мир: этим утром из-за какой-то гусыни один человек был убит, а пятеро других обрели смертельных врагов на всю оставшуюся жизнь... Поразительно складываются

судьбы. Эта птица уже должна была быть зажарена и съедена тем человеком, который сейчас, сам убитый из-за нее, лежал на траве...

– Надо пойти забрать из таверны ту гусыню и отнести ее старухе, – наконец сказал Ричард, – чтобы все это хоть в какой-то степени имело смысл...

Остальные согласились с ним.

Когда птица была возвращена обрадовавшейся старухе (для нищих крестьян потеря даже одного гуся была серьезным убытком), рыцари получили возможность выяснить обстоятельства произошедших событий. Тот из воров, которого недавно ударом сшиб Ричард, все еще находился в плену у старой крестьянки. Когда Дик погнался за вторым проходимцем, она принесла из дома веревку и связала бесчувственного мерзавца. Теперь он, уже пришедший в себя, мог ответить на вопросы друзей. Отпираться ему не было смысла, так как пойманного на краже в те времена тут же повесили бы на ближайшей осине, словно Иуду. Вор, как только его взяли за шиворот, сразу рассказал им, что его имя Том, что он слуга барона Альфреда Мора, и сообщил, что сегодня утром барон вместе со своим приятелем и кузеном обедали в таверне «Дом Беовульфа». Заказав жаркое, они узнали, что готовить его в таверне не из чего. Тогда барон отправил Тома и еще одного слугу украсть что-нибудь в ближайшей деревне. Дальнейшие события читателю известны.

– Кто из двоих обедавших с бароном его кузен? – спросил вора Артур.

– Рыжий, – ответил Том.

Это был тот, кого убил Бэртон. Теперь друзья имели кровные счета с Альфредом Мором, который наверняка захочет им отомстить за смерть родственника. Рыцари хорошо знали суровые нравы своего времени, но были еще слишком молоды, чтоб уметь всерьез тревожиться за себя. Тем не менее Ричарду было жаль, что из-за такого пустяка погиб человек.

– Может, мне не стоило устраивать все это из-за гусыни, – начал Дик, – но я не мог поступить иначе.

– Да нет, – сказал Артур, – все правильно. Я слышал о Море, говорят, он со своей дворней живут тем, что грабят путников, проезжающих мимо его замка. И кузен его, я думаю, был такой же, как он. Так что не жалея убитого мной. Они дурные люди и получили по заслугам. Вопрос, что теперь делать с Томом?

Все посмотрели на слугу барона-разбойника, сжавшегося под их взглядами. Бану была безразлична его дальнейшая участь, Джек все еще не проспался, кроме того он не участвовал в этой истории. Решать предстояло Ричарду с Бэртоном.

– Оставим его на суд крестьян, – сказал Дик, – пусть они решают, как с ним поступить.

– Можно, – согласился Артур, – но то ли это, чего ты хочешь, Дик? Крестьяне повесят этого парня, это уж как пить дать! А ведь именно ты только что говорил нам о милосердии и сострадании. Кроме того, судить должны мы – сэры, а не народ. Поэтому я предлагаю отпустить Тома, пусть идет восвояси. Не нужно больше крови. Сегодня я убил одного человека, и, чтобы что-то противопоставить этому греху и хоть как-то уравновесить его на небе добрым поступком, хочу оставить жизнь другому. Не знаю, справедливо ли это, но я решил так. Как вы считаете? – спросил он товарищей.

Ричард на минуту задумался, потом, махнув рукой, сказал:

– Пусть идет.

– Что нам с его смерти, – соглашаясь, добавил Бан.

Старушка пыталась опротестовать решение, но ей слова не дали.

– Ты свободен, Том, – сказал ему Артур, – иди с миром и не совершай больше дурных дел.

Рыцари освободили Тома от пут, и он, кланяясь и благодаря их, начал пятиться к выходу со двора. Оказавшись на сельской улице, он развернулся и, что есть духу, помчался прочь, боясь, как бы его судьбу не передумали.

Попрощавшись с хозяйкой гусыни, друзья покинули деревушку и вернулись в харчевню, чтобы все-таки пообедать и рассказать пьянице-Джеку, который как раз начал приходить в себя, о произошедших событиях.

Последующие дни прошли без происшествий, и спустя несколько суток настало время отплытия. Дик взошел на корабль. Остальные уже ждали на палубе. Крестоносцы подняли паруса и отправились в путь.

* * *

...Вернемся на миг в окрестности Йорка, где в замке Лейстреда, возле которого началась эта повесть, примерно в это же время произошел примечательный разговор отца Аделины с ее несостоявшимся женихом графом Олдриджем.

– Это очень непорядочно с вашей стороны, герцог, – говорил граф.

– Вы должны понять, – оправдывался Лейстред, – что не я повинен в случившемся. Вы по-прежнему можете жениться на моей дочери, и я буду только рад! Правда, конечно, теперь, после того как она принесла этот обет, который слышало столько народу, вам придется для этого стать крестоносцем, но если вы действительно хотите взять ее в жены, то почему бы и нет, и тогда...

– Знаете, герцог, – прервал его Олдридж, – я в том возрасте, когда уже не рискуют жизнью ради девочек.

* * *

Корабли крестоносцев приближались к цели. Вспенивая воду Средиземного моря, они шли на всех парусах, подгоняемые попутным ветром, словно решившим способствовать освободителям Палестины. Задержавшись, завоевывая Кипр, крестоносцы теперь спешили скорее добраться в Святую землю на помощь христианам, сражавшимся там.

На Востоке всюду шла осада Акры – укрепленного мусульманского города, расположенного на берегу моря. В древности он назывался – Птолемаида. Город, построенный давным-давно, окружали мощные стены, возвышавшиеся над побережьем неприступной громадой. Грозные башни и бастионы укрывали сарацинский гарнизон, отчаянно защищавший крепость. Акру осаждал последний король христианской Святой земли, иерусалимский изгнанник, страстно желавший вернуть себе трон – Гюи Луизиньян с девятью тысячами верных ему воинов.

Саладин, поддерживая защитников цитадели, привел свою армию и, разбив лагерь на близлежащих холмах, окружил христиан, осаждающих город. Войско Гюи Луизиньяна, оказавшись в кольце врагов, подвергалось атакам теперь уже с двух сторон. Постоянно сражаясь с отрядами Саладина и гарнизоном крепости, силы крестоносцев постепенно таяли вместе с надеждой овладеть Акрой. Многие начинали подумывать о бегстве в Европу, как вдруг неожиданно в Птолемаидской гавани появился флот.

– Знамена с крестом! Знамена с крестом! – кричали дозорные так громко, что, наверное, их было слышно и в мусульманском лагере, и Саладин в своем роскошном шатре вздрогнул и поежился от страха, предчувствуя, сколько бедствий доставят ему те, кто прибыл на кораблях с крестами. С унынием смотрели на входящие в гавань суда и со стен Акры. Но радостное ликование раздалось в лагере христиан, и надежда вновь ожила меж ними, воскрешенная из небытия гордыми силуэтами приближавшихся кораблей.

Когда флот крестоносцев вошел в гавань, все уже знали, что прибыл король Англии Ричард Львиное Сердце, полностью истративший казну своего государства на крестовый поход и сумевший собрать действительно сильное войско. Сойдя на берег, крестоносцы стали выгружать с кораблей продовольствие, оружие и осадные машины, которым предстояло сокрушить неприступные стены вражеской крепости. Прибытие войска вызвало небывалый подъем в христианском лагере, хроники говорят, что высадившихся приветствовали почти как ангелов.

Ричард Корнелий с товарищами участвовали в разгрузке судов и перетаскивали на берег мешки и ящики, набитые зерном, солониной, сушеными фруктами и много чем еще, столь необходимым христианскому воинству под Акрой. Прибывшие с крестоносцами священники прямо на берегу отслужили молебен и благословляли воинов постоять за Животворящий Крест.

Нося тяжелые грузы, Дик мимоходом успевал подметить устройство лагеря и оценить издалека мощные укрепления, на которых пока еще развевались знамена ислама. Он еще не очень хорошо разбирался в фортификации, но тем не менее понял, насколько сильна крепость, которую им предстояло захватить. Высокие стены Птолемаиды отбрасывали на равнину тень. Они погубили немало отважных рыцарей, решившихся штурмовать их: равнина забирала тела, а тень души... – но это иллюзии, поэтический бред пылкого воображения Ричарда, а город, тем не менее, и вправду был хорошо укреплен, и уже много крестоносцев погибло в бесплодных штурмах, предпринятых, чтобы овладеть Акрой.

Лагерь христиан располагался на вершинах холмов, обступающих город. Крестоносцы вырыли рвы и возвели стены, так укрепившись, что осада Птолемаиды стала напоминать поединок двух крепостей, соревнующихся в мощи. Таково было внешнее впечатление. Внутри, за стенами, христианский стан походил на довольно крупное средневековое поселение, где имелись жилища и склады, кузницы и пивные, налажены были различные ремесла, обслуживающие потребности крестоносцев. Помимо воинов здесь находились жены и дети многих из них, сюда стекались, привлекаемые жаждой наживы, армяне и евреи, торгующие всем на свете и дающие деньги в долг. Их дома нередко громились воинами Господа, но избежавшие этой участи составляли здесь неплохие состояния.

Все это замечал Ричард, гадая, сколько же еще продлится осада.

День прошел в тяжелой работе, изматывающей и лишаящей сил. Ночью было душно, и сон не принес облегчения крестоносцам. А наутро звук трубы и набата разбудил их чуть свет, возвестив, что мусульмане пошли на приступ.

Дик вскочил с грубой постели. Он еще не полностью проснулся и, не до конца понимая происходящее, с трудом натянул кольчугу и с мечом наголо побежал к стенам, куда спешили другие рыцари, готовые отражать атаку. Там уже текла кровь. Сарацины лезли на стену. Они ставили осадные лестницы и взбирались по ним, чтобы тут же упасть вниз, пронзенные стрелами крестоносцев, но на смену им поднимались другие, в еще большем количестве, и уже несколько христиан погибло от их мечей.

Бой завязался жаркий. Напор мусульман был неожиданным и стремительным, потеснив крестоносцев, они устремились на галереи, рубя стоящих там арбалетчиков и скидывая их в ров. Казалось, еще мгновение – и воины Саладина ворвутся в лагерь. Тогда на защиту стены поднялся отряд рыцарей, с которыми был Дик. С бесстрашием и упорством, достойным войти в легенды, они атаковали стену, уже занятую сарацинами, и, штурмуя изнутри собственную крепость, невзирая на ранения и потери, выбили мусульман с этого участка и, укрепившись здесь, стали отгалкивать лестницы, по которым лезли враги. Сюда поднялись и новые арбалетчики взамен убитых и стали стрелять в наступающих. Рыцари растянулись по стене так, что сравнительно небольшим количеством могли останавливать напирających мусульман. Стойкость крестоносцев и ярость сарацин – Запад и Восток схлестнулись здесь словно вода с огнем, безжалостно уничтожая друг друга.

В пылу боя Ричард не осознавал происходящее. Одолев нескольких мусульман, он приготовился встретить следующих, взбирающихся по лестнице и скалящих на него зубы. Они были уже близко. В этот момент осознание вдруг вернулось к Дику. Ему стало страшно. Ричард находился за тысячи миль от дома на узкой стене, на которую лезли враги, стремящиеся убить его словно бездомного пса, он был один среди людей, которых не знал и даже никогда не видел до вчерашнего дня, и каждое мгновение мог погибнуть. Сарацины выкрикивали что-то на непо-

нятном гортанном языке. Ричард не понимал: проклятия то были или молитвы. Один за другим погибали и падали соратники Дика. Темная волна страха захлестнула его, желание бросить оружие и бежать пересиливало все, но, собрав волю и мужество и крепче стиснув рукоятку меча, он не сделал ни шагу назад. Ричард стоял на стене один на фоне ясного неба, по которому мчались рваные, словно изрубленные плащи, облака, и видел, как толпа мусульман наступает на крепость подобно приливу. Прошлая жизнь Дика, оставшаяся на далеком покинутом берегу, прошла перед ним в те минуты. Осознание, что жил он легко и беззаботно, что имел все, что нужно было иметь, и что, возможно, теперь придется погибнуть здесь, в Палестине, на этой стене и в эту секунду, стиснуло сердце так, что стало трудно дышать... Отчаяние наполнило душу... Но Ричард Корнелий лишь крепче сжимал меч, и уже в следующее мгновение свежий порыв ветра сорвал с него эти мысли и, отогнав прочь, разметал в клочья, а Дик, увернувшись от взмаха меча, столкнулся со стеной еще одного врага.

Бой продолжался, и свежее подкрепление крестоносцев поднялось на стены. Рядом с Ричардом теперь рубился его приятель Бан.

Постепенно ряды мусульман начинали редеть. Атака захлебнулась, и, не имея сил продолжать наступление, сарацины бежали от крепости. Над окрестностями прогудел горн, возвещающий победу. Дик вытирал с лица капли пота и крови, Бан вложил меч в ножны.

Спустившись со стен, Ричард и Бан встретили своих друзей, защищавших другой участок. Их вид красноречиво говорил, что и они побывали в жестокой битве: левая рука Джефферсона была перевязана, Джек, к счастью не раненный, от усталости и волнений с трудом держался на ногах, зато у Артура была всего лишь слегка оцарапана щека, хотя он и сражался только что, не жалея себя и проявляя чудеса отваги. Бэртон с горькой усмешкой оглядел приятелей.

– Ну вот, друзья, мы и прибыли в Палестину, – сказал он.

III. Сарацинская танцовщица

Святая земля встретила их немилосердно, и чего же ждать, коль они пришли сюда как завоеватели. Почва ценит пахаря и не любит, когда ее удобряют кровью. Крестоносцы были жестоки, но не был мирным земледельцем и Саладин, и рассказы о его исключительном великодушии в большей степени часть легенд, овевающих его имя. В те дни многострадальная страна Иисуса Христа сотрясалась от грома грандиозных сражений и звона мечей, от топота копыт несущейся в атаку кавалерии, стонала от плача мусульманских и христианских женщин и детей, лишенных защиты и крова, полыхала пламенем пожаров, обращающих в пепел волшебные города Востока...

Солнце стояло высоко. Дик точил меч, сидя у стены лагеря на большом камне. От укреплений падала тень, и здесь можно было укрыться от палящих лучей. Джек где-то бродил, Бан спал, а Артур Бэртон ел финики, стоя неподалеку. Рыцари отдыхали после утренней битвы.

– Сегодня мы хорошо проучили сарацин, – сказал подошедший к ним Гарольд. Он уже год сражался под Акрой и пережил под ее стенами многое, друзья познакомились с ним вчера. Это был крепкий парень невысокого роста, коренастый и плотный, неповоротливый, зато меткий стрелок.

– Погибло много мусульман, – продолжил он, – но и наших немало.

– Крестоносцы попадают в рай, – сказал Бэртон.

– Истинно так, – перекрестившись, согласился Гарольд.

Повисло молчание, каждый погрузился в свои мысли.

– А я вот думаю, – внезапно промолвил Дик, отложив меч, – сколько людей сегодня убито, и крещеных, и мусульман, а зачем? Мы убиваем именем Господа, но разве этому учил Христос?

– Честно говоря, – согласился с ним Артур, – ты прав, Ричард. И я не уверен, угодны ли крестоносцы Христу, а войны Саладина – Аллаху. И мы, и мусульмане на этой войне по большому счету просто убийцы, которые думают, что знают, ради чего убивать. Но у меня свои причины быть здесь и обагрять меч кровью, так что я, наверное, не ищу спасения и даже не знаю, действительно есть ли Бог... Меня больше интересуют политика и свои личные цели в Святой земле.

– Вы не верите в Бога и в Царствие Небесное? – удивленно переспросил Гарольд. – Впрочем, чему я удивляюсь – вы молоды, не так давно я и сам был таким же. Когда-то и я думал, как вы, Бэртон, и я не был верующим. Но трагические события, крайне тяжелые для меня, заставили меня уверовать. Вот как это случилось...

Вздохнув, Гарольд начал рассказ.

– Вас, Бэртон, интересуют политика и личные счета, вы злопамятны и тщеславны, не надо смотреть на меня так, считайте, что я пошутил... в общем, политика и личные счета... У каждого свои грехи, и ваши еще не самые худшие... Послушайте мою историю... Когда-то в Европе у меня были дом, жена и маленькая дочь. Но это не радовало меня в ту пору. Больше всего на свете меня привлекало богатство и игра. Я был алчен до золота, как дьявол до душ. Правдами и неправдами я наживал состояния и был бы очень богат, если бы не проигрывал все в кости. И случилось так, что однажды, то ли спьяну, то ли в запальчивости, я проиграл евреям жену и дочь, и они продали их в рабство. Их продали за мои игорные долги... Когда, проснувшись на следующее утро, я осознал произошедшее, в моей душе все перевернулось. Раскаяние и ярость, смешиваясь с глухим отчаянием, душили меня. Я до полусмерти избил еврея-ростовщика, но легче мне, понятно, не стало. Тогда я был уверен, что Бога действительно нет, раз он мог допустить такое. Я пил, слал проклятия небу и богохульствовал, но вдруг неожиданно понял, что Господь просто не мог больше терпеть совершаемые мною бесчинства и таким образом преподал мне урок, показав мне мои пороки. Осознание совершенных грехов

далось мне тяжело, но в этот момент я почувствовал облегчение, я знал, как теперь надо действовать. Я роздал все, что у меня еще оставалось, нищим и каялся у Распятыя... Бог милостив, наверное, он простил меня – от евреев я узнал, что семья моя жива и находится в Акре. Я стал крестоносцем и приехал сюда, чтоб спасти их и, в искупление за свои грехи, помочь освобождению Палестины, потому что это угодно Богу. Я жду не дожусь, когда мы сравняем этот проклятый город с землей и мои жена и дочь станут свободны, и Бог, видимо, помогает мне в этом. В любой самой страшной битве я остаюсь невредим. А если я не освобожу семью, то прав ты, Артур, и Бога нет, и все мы просто убийцы! Но я все же верю, что он существует.

– А ты, Дик, как думаешь? – спросил Бэртон.

– Я никогда не хотел убивать, – сказал Ричард, – и в крестовый поход меня повела любовь, а не вера. Но, может быть, я для того и поехал в Святую землю, чтобы узнать, есть ли Бог...

К этому было нечего добавить. История Гарольда, рассказанная им с таким чувством и искренностью, произвела впечатление на друзей. Артур продолжал есть финики. Он расправлялся с ними не хуже, чем с сарацинами, и, казалось, это занятие полностью поглотило его, но по лицу Бэртона было видно, что он думает о чем-то другом.

– Предлагаю вот что, – сказал Артур, и в его глазах появился задорный блеск, – выясним сегодня, существует ли Бог – попытаемся спасти семью Гарольда.

– Как ты это себе представляешь? – усомнился Дик.

– Да легко, – пояснил Бэртон, – допросим евреев, где содержится жена Гарольда, раз они знают, что она в Акре, под покровом ночи перелезем, как ассасины, через стену, перережем глотки нескольким часовым, взломаем дверь и выведем их на свободу. Вот и все.

– У нас есть много шансов погибнуть, – заметил Ричард.

– А у нас их всегда немало – мы же на войне, – возразил Гарольд. – Давайте рискнем, если это, конечно, вам нужно... – неуверенно закончил он.

– Нужно, наверное, – сказал Артур, – хоть я из вас единственный однозначно не верующий, но один продолжаю думать о добрых делах.

– Вообще-то, давайте попробуем, – согласился Дик.

– Значит, решено, – радостно произнес Гарольд, – ночью лезем в эту проклятую Акру. Спасибо, друзья!

Он ушел. Бэртон доедал финики. Дик продолжил точить свой меч.

– Да, Ричард, – задумчиво сказал Артур, глядя Гарольду вслед, – у нас действительно есть все шансы не вернуться живыми. Это ж надо было такое выдумать – втроем идти в Акру, притом ради совершенно чужих людей... И чего я такой хороший? Сам придумал и самому страшно. Ладно, пойду к девкам...

Ричард остался у стены, он почти доточил клинок. В это время проснулся Бан, все это время спавший неподалеку, положив под голову камень, обернутый плащом, чтобы было помягче. Он заспанно озирался, чувствуя, что, пока он спал, произошло что-то важное, но еще не знал, что.

– Что я пропустил, Дик? – спросил он, протирая глаза.

– Да так, ничего, – рассеянно ответил Ричард, – просто вечерняя прогулка, хочешь, пошли с нами.

– А... ладно, пойду, – сказал Бан и продолжил спать.

Когда побережье окутал таинственный мрак восточной ночи и на небо высыпали звезды, несколько теней промелькнули к выходу из лагеря и, выйдя за ворота, растворились в густой темноте. Ночь выдалась ясная, но безлунная, что было на руку Ричарду с товарищами. Идя освещенные светом звезд, они старались производить как можно меньше шума, чтоб не привлечь внимание часовых, выставленных сарацинами на стенах города.

Когда друзья прошли уже с полдороги, Бан, по-прежнему знающий только про какую-то странную вечернюю прогулку, начал сомневаться.

- Так куда мы все же идем? – наконец поинтересовался он.
- В Акру, – просто ответил Бэртон.
- Что?! – воскликнул Бан.

Но разворачиваться и идти назад было уже поздно, кроме того, Бан не мог бросить друзей. Отчаянно ругаясь про себя, он не сказал больше ни слова до самой крепости и даже не спросил, зачем они идут туда.

В темноте Акра медленно надвигалась на них, с каждым шагом становясь ближе. Восточные звезды, по которым когда-то гадали халдейские маги, холодно искрились над городом, освещая крепость серебристым мерцанием. Добравшись до мощных стен Птолемаиды, рыцари спрятались в их тени и стали готовиться к штурму.

С собой они принесли длинные прочные веревки, к концам которых были привязаны стальные крюки. С их помощью крестоносцы собирались проникнуть в крепость. Размахнувшись посильней, рыцари забросили их на стены. Ричарду удалось зацепить свой, но крюк Артура соскользнул, резко лязгнув по камням.

– Замрите все! Тихо! – полусшепотом крикнул Гарольд. Они вжались в жесткую стену, молясь, чтобы часовые не услышали шума. В напряженном ожидании прошло несколько минут, но кажется, в этот раз обошлось и их не заметили. Прицелившись получше, Бэртон вновь бросил веревку. Теперь получилось, и крюк зацепился за зубья стены.

- Лезем! – сказал Артур, устремляясь вперед.

Друзья последовали за ним. Сперва на стену поднялись Артур и Гарольд, затем Ричард и Бан, все еще продолжавший делать вид, что не знает их.

Крестоносцам повезло, дозорных здесь не было. То ли они небрежно оставили пост, то ли сил гарнизона уже не хватало на то, чтобы обеспечивать надлежащую оборону города. Рыцари перебросили веревки с внешней стороны укреплений внутрь крепости и, спустившись по ним, оказались в Акре.

Уже несколько лет христиане не ступали за эти стены. В ночном городе, изможденном длительной осадой, было тихо и пусто. Все люди, наверное, спали, только мыши сидели на некоторых подоконниках и тоскливо тарасились в темноту.

– Ну, вот она и Акра, – вполголоса воскликнул Артур, – мы первые крестоносцы, ступившие сюда со времен падения Иерусалима, и, видит Бог, это только начало, но как бы там дальше ни было, первыми здесь побывали мы!

Ричард Корнелий смотрел на город. Он не слушал, что говорит Бэртон, его взгляд блуждал по темным кривым улицам и слепым окнам зданий. Они были в Птолемаиде. Отважное предприятие нравилось Дику, ощущение опасности и подвига будоражило кровь, но Ричард нервничал: вдруг придется убивать спящих... Он бы этого не хотел.

Рыцари, крадучись, шли по темным улицам восточного города. Днем в минувшие времена здесь было шумно и многолюдно, торговцы зазывали народ к своему товару, воры и мошенники промышляли среди прохожих, уличные музыканты показывали представления и играли на лютнях, а дешевые женщины предлагали любовь. Теперь же все было не так. Лишь камешки шуршали под сапогами идущих по пустым улицам крестоносцев.

Они не знали наверняка, что ищут. Пленники могли находиться где угодно. Евреи сказали, что скорее всего они содержатся у коменданта крепости. Купец, торговавший ранее в Акре, рассказал, что коменданту принадлежит большой построенный из самана дом, стоящий возле трех оливковых деревьев. И теперь рыцари следовали за этим размытым ориентиром, плутая во мраке птолемаидского лабиринта.

Бестолковые кривые улочки петляли между домами. Бродя среди бесконечных глухих стен, кое-где соединенных причудливыми арками, крестоносцы сворачивали в темные переулки, оканчивающиеся тупиками.

– Три оливковых дерева! – шепотом произнес Бэртон. – Это все равно что в Европе сказать: «Дом стоит на зеленой траве!..» – в этот момент Артур споткнулся и чуть не упал. – Проклятье!.. – пробормотал он. – Нам их ни за что не отыскать!

– Давайте поделимся, – предложил Ричард, – так мы вернее найдем, что нужно.

– Неплохая идея, – согласился Бэртон, – вы с Гарольдом идете направо, а я и Бан пойдем прямо.

На перекрестке друзья разошлись. Теперь их было по двое против всех сарацин Акры.

Артур и Бан пробирались убогими узкими переулками, где ранее, наверное, селилась местная беднота. Здесь стояли маленькие невзрачные дома с заколоченными оконцами. Неожиданно за углом раздались голоса, говорящие по-арабски. Значит, дозорные все же были. Голоса приближались, кажется, говорящих было не меньше трех. Не раздумывая, Бэртон бросился в узкий простенок между домами, затащив за собой Бана, в надежде, что темнота скроет их. Четверо дозорных шли мимо, о чем-то переговариваясь. Вдруг один из них остановился возле того места, где спрятались Артур и Бан. Рыцари замерли, стараясь даже не дышать, Бэртон сжал рукоять кинжала, приготовившись нанести удар. Но, к счастью, этого не потребовалось, постояв мгновение, сарацин поправил меч у пояса и пошел за своими товарищами.

– Пронесло, – сказал Бан, вытирая со лба выступивший холодный пот.

– Пойдем за ними, – предложил Артур, – раз мы все равно не знаем, куда идти, может, они куда-нибудь выведут.

Это показалось им лучше, чем бродить наугад. Выбравшись из простенка, крестоносцы осторожно пошли за мусульманами. Пройдя квартал, они увидели, как четверка вошла в приземистое здание, в окнах которого горел свет. Возле дома росло три каких-то дерева.

– Гляди-ка, Бан, – толкнул приятеля Бэртон, указывая в сторону здания, – три оливковых дерева! Нам, похоже, сюда.

Рыцари подошли к дому и, осторожно открыв дверь, вошли за дозорными...

После темноты улицы яркий свет неожиданно ударил в глаза. Словно по волшебству они вдруг оказались в освещенном светильниками и масляными лампами зале, где сарацины, опьяненные гашишем, играли в кости и курили кальяны. Посередине на роскошном персидском ковре танцевала черноволосая красавица в полупрозрачном восточном наряде, не скрывающем прелести ее тела. Девушке подыгрывали на лютнях, и мягкая пластика ее движений завораживала чарующей таинственностью восточной ночи.

– Бэртон, – воскликнул Бан, – это же были *финиковые* деревья, а не оливковые! Бежим! Но было поздно. Сарацины обернулись к ним...

***

В это время Гарольд и Дик все еще бродили по улицам Акры. Они уже устали плутать в темноте и начали сомневаться в успехе вылазки.

– В этом городе столько домов и столько деревьев, – сказал Гарольд, – что, кажется, мы никогда не найдем нужный.

– Рано отчаиваться, – подбодрил его Дик, – просто так мы все равно не уйдем отсюда, мне кажется, сейчас нужно свернуть направо.

Рыцари протиснулись в узкий проем между домами и оказались на длинной унылой улице, посреди которой в земле зиял старый колодец. Застройка здесь выглядела основательнее, чем в других частях города, дома были больше и прочнее на вид. В одном из них в окошке под крышей горел огонек.

– Гляди, – сказал Ричард, – там кто-то не спит...

Гарольд посмотрел, куда указывал Дик. Окно светилось в большом двухэтажном здании, сделанном из самана. В самом доме не было ничего примечательного, и друзья прошли бы мимо, но рядом с ним Гарольд вдруг увидел, к своей радости, оливковые деревья, слабо шелестевшие на ночном ветерке.

– Это же тот дом с деревьями, о котором говорили евреи, – воскликнул Гарольд. – Дик, мы нашли его, вперед! – он устремился на штурм, но Ричард остановил его:

– Нам говорили про три дерева, а здесь только два...

Действительно, было так. Гарольд тихо взвыл от досады.

– И правда, – сказал он, – какая подлая насмешка судьбы... Что ж, пойдем дальше...

Они миновали еще два квартала.

– Скоро начнет светать... – начал Дик.

– Надо возвращаться, – мрачно подтвердил Гарольд.

И вдруг друзья буквально наткнулись на ограду неприметного домика, возле саманных стен которого росли три оливковых дерева. Все сошлось, только дом был заброшен и, кажется, пуст.

– Неужели он? – с сомнением произнес Гарольд.

Рыцари перелезли невысокий забор и направились к дому. Вблизи стало ясно, что жилище точно было покинутым. Над выломанными порожками на одной петле болталась открытая дверь. Внутри оказалось темно и пыльно. Среди хлама, валяющегося на полу, Ричард заметил огарок свечи и, чиркнув огнем, запалил его. Тени, кривляющиеся как демоны, заплясали по стенам.

– Здесь никого нет, – сказал Дик, – пойдем...

Но Гарольд не слушал его, что-то разглядывая в углу.

– Что там? – спросил Дик, подойдя, и тут же все понял сам.

На полу, среди пятен крови, лежал женский платок. Присев, Ричард отыскал возле него маленький крестик.

– Нет! – воскликнул Гарольд. – Сарацины убили их! – он тяжело осел на пол.

Ричард не знал, что сказать и как утешить Гарольда, поэтому просто молча поднял его и повел к выходу. Дик не предполагал, что у их отважного предприятия может оказаться такой печальный итог. В горькой скорби рыцари шли обратно по безмолвным улицам Акры.

Проходя мимо дома с двумя деревьями, который Гарольд поначалу принял за тот, что они искали, он с тоской посмотрел на огонек, горящий в окошке.

– Если бы только... – начал он и вдруг плашмя растянулся посреди дороги. В темноте крестоносец не заметил какой-то поваленный ствол, лежащий поперек улицы, и, споткнувшись об него, упал. Поднявшись, Гарольд зло пнул его и собирался идти дальше, но Ричард почему-то не двигался с места, задумчиво глядя на лежащее дерево.

– Гарольд, – сказал он, – а ведь перед нами третья олива возле этого дома, просто упавшая, но еще недавно она росла рядом с теми двумя...

Гарольд потрясенно посмотрел на товарища, поняв, что тот имеет в виду.

– Ты думаешь?... – начал он, но, не договорив, рванулся к дверям, на ходу выхватывая клинок. Дик поспешил за ним.

Выбив дверь и с порога ударив мечами вооруженного охранника, крестоносцы ворвались внутрь. Перед ними предстала довольно большая, но обшарпанная комната, у дальней стены которой на полу спали несколько человек. К великой радости Гарольда, это оказались его жена и дочь и с ними еще одна женщина. Христианские пленники помещались на первом этаже и выполняли в доме обязанности прислуги. На втором этаже находились спальни сарацин, оттуда доносился храп, и мусульман можно было застать врасплох, но крестоносцы не стали убивать спящих. Рыцари повели освобожденных пленников к выходу. Проходя мимо убитого охранника, Ричард старался ступать осторожней, чтоб не запачкать кровью своих сапог.

На улице Дик наконец рассмотрел спасенных. Жена Гарольда была худенькой темноволосяй женщиной с усталым изможденным лицом, сохранившим тем не менее следы былой привлекательности. Злоключения, выпавшие на ее долю, заставили поблекнуть ее красоту, но

раньше она, наверное, считалась очень приятной женщиной. Вторая выглядела уже почти старушкой. Дочери Гарольда было лет девять.

Дик с грустью смотрел на них. В этот миг он, возможно, впервые задумался о превращениях жизни, войны и любви... Но сейчас нельзя было терять время, необходимо было выбираться из Акры.

Крестоносцы миновали уже полдороги до крепостной стены, где они оставили веревки, как вдруг Ричард остановился:

– А где же Артур и Бан? – воскликнул он.

Спасая пленных, Дик и Гарольд совсем забыли о своих товарищах, и неизвестно было, что с ними теперь и где они.

– Нельзя бросать их в Акре, – сказал Дик, – возможно, они попали в беду.

Гарольд молчал и внутренне малодушничал, он хотел поскорее покинуть город. Ричард почувствовал это, но понял Гарольда и не осудил его, спасение семьи было для него важнее, кроме того речь шла о женщинах и ребенке...

– Выводи их из Акры, – сказал Гарольду Дик, – а я найду наших друзей. Так будет и правильной и лучше. Встретимся в лагере.

Не дожидаясь ответа, Дик развернулся и побежал в темноту, вновь в сердце старой Птолемаиды.

***

На пороге сарацинского притона стояли плечом к плечу два христианских рыцаря. Обескураженные и сбитые с толку тем, что оказались в таком месте, они замерли под взглядами обернувшихся к ним мусульман. Бан потянулся к рукояти меча, но Бэртон незаметно остановил его, наступив на ногу. На секунду повисла звенящая тишина. Сарацины выжидающе смотрели на крестоносцев...

Артур Бэртон неплохо говорил по-арабски, и это спасло рыцарей. Он громко поприветствовал присутствующих на их языке и добавил еще несколько слов, значение которых Бан не знал. Сарацины что-то ответили и, потеряв интерес к вошедшим, вернулись к кальянам, игре и музыке.

– Все в порядке, – шепнул Бану Артур, – нас приняли за своих.

Он прошел в зал, таща за собой приятеля.

– Ты с ума сошел! Куда ты меня тянешь? – шипел Бан.

– Не привлекай внимания, дружище, – сквозь зубы процедил Бэртон, – если мы сразу уйдем, это вызовет подозрение. Садись и сиди тихо, – и Артур бросил золотую монетку к ногам танцовщицы Востока.

Девушка приковывала всеобщее внимание. В простых и плавных движениях ее тела было так много смысла, что об этом можно было бы написать отдельную книгу. Она танцевала под незатейливую мелодию, плавно покачивая бедрами и красиво подчеркивая движениями нежную кожу обнаженного живота. Лицо девушки скрывал платок, виднелись лишь ее большие блестящие глаза, поведенные поволокой и сверкающие будто агаты. В них словно застыли миражи восточных пустынь, наполняя душу поэзией тысячи и одной ночи.

Артур смотрел на девушку, как смотрят иногда на огонь свечи, мерцающий в полумраке. Взгляд рыцаря остановился, а мысли, казалось, погрузились в ее танец, уносясь прочь от действительности, опасностей и войны.

Однообразная мелодия, похоже, была бесконечной. Старик-музыкант перебирал струны, закрыв глаза, и все тонуло в дыму и звучании лютни. Запястья и щиколотки танцовщицы украшали серебряные браслеты с колокольчиками, нежно звенящими с каждым ее движением. Она скидывала ноги и выгибала стан, отдаваясь музыке, словно возлюбленному...

– Бэртон, – настойчивым шепотом сказал Бан, – надо уходить отсюда.

– Нет, не сейчас, – ответил Артур, – сколько живу, еще не видел женщины красивей ее.

– Ты спятил? Нас тут могут убить! – воскликнул Бан.

– Ну и что? – пожал плечами Артур. – Я привык рисковать...

Меж тем темп мелодии увеличивался. Музыка становилась быстрее, и в движениях танцовщицы появилось больше огня и страсти. Она виделась то цветком, то чудесной птицей, прилетевшей из райского сада. А может, она представлялась им гурией, одной из тех, что пророк Мухаммед обещал правоверным. Девушка заворожила всех... Опьяненные гашишем сарацины, Артур Бэртон и Бан смотрели на нее, захваченные энергией и чувственностью танца.

В этот момент появился Дик. Тихо хлопнула входная дверь. И Артур, машинально обернувшись на звук, увидел Ричарда Корнелия, шурящегося от бьющего в глаза света и пытающегося сообразить, что ему теперь делать.

Ричард не заметил в зале своих друзей, чувствовал, что он сильно влип, и понимал, что надо срочно что-то придумать.

Один из сарацин обратился к Дику. Ричард не знал их языка и не ответил. Он колебался: бежать или драться? Мусульманин повторил вопрос. Дик решил драться. Артур понял, что нужно действовать.

– Он немой! – по-арабски громко крикнул Бэртон, привстав, чтобы Ричард его увидел. – Слышишь, немой, тебе говорю – это наш друг.

Сарацин с сомнением оглядел Дика.

– Ну чего ты смотришь? – возмутился Бэртон. – Сказано же, наш немой друг.

Слова Бэртона устроили сарацина. Ричарда оставили в покое. Он облегченно перевел дух и присоединился к друзьям, обратив взор к девушке, уже очаровавшей и его сердце.

– Мы освободили семью Гарольда, – шепотом проговорил Дик, – он повел их в лагерь, а я вернулся за вами.

– Хорошо, – сказал Артур.

– Вы неплохо проводите время, – усмехнулся Дик, указав на красавицу.

Бэртон не ответил.

Сарацины не обращали внимания на крестоносцев, не узнав в них врагов своей веры, но девушка, случайно задержав на них взгляд, вздрогнула, сразу поняв, что перед ней христианин. Она пристально посмотрела на рыцарей, остановив взор на Бэртоне и Дике. Ричард подмигнул ей, но красавица отвела глаза. Больше она не взглянула на крестоносцев, но почему-то не выдала их.

Как и Бэртон, Ричард смотрел на женщину. Прекрасное тело прикрывал полупрозрачный шелк, показывающий ее красоту, но оставляющий загадки, будоражащие воображение. Танцовщица нравилась Дику. Ее глаза влекли рыцаря, он пытался вновь встретиться с нею взглядом, однако девушка отводила взор. Она выгибала в танце изящную талию и, скидывая руки к голове, плавно поводи́ла бедрами, едва прикрытыми легкой тканью. Нежная как бархат кожа танцовщицы, освещенная тусклым светом масляных ламп, манила Ричарда, вызывая желание прикоснуться к ней. Монотонная мелодия то убыстрялась, то затихала, и вместе с нею менялись движения девушки. В зависимости от музыки ее танец наполнялся то страстью, то нежностью, но постоянно оставался рассказом о любви.

Забыв об опасности, друзья наслаждались захватывающим зрелищем. Вдруг один из мусульман встал и, шатаясь, подошел к девушке. Она продолжила танцевать, не взглянув на него. Взмахом руки сарацин остановил музыку. В зале недовольно зашумели. Не обращая на возмущенный ропот внимания, сарацин что-то сказал красавице, она засмеялась и слегка отстранилась от него, но он вновь приблизился к ней, продолжая настаивать.

– Что он говорит, Артур? – спросил Дик.

– Он хочет, чтобы она танцевала обнаженной, – объяснил Бэртон, – а девушка отказывается, но это и так понятно...

Сарацин все больше горячился, его же товарищи просили его сесть на место и не портить всем отдых, но, опьяненный гашишем и красотой девушки, он не отставал от нее. Танцовщица оттолкнула его и что-то резко сказала. Взбешенный, сарацин схватил ее за руку и, притянув к себе, попытался силой сорвать с нее одежду. Девушка вскрикнула.

– Я не могу не вмешаться, – сказал друзьям Дик, резко поднявшись.

– Стой, Дик! – попытался усадить его Бан.

Но Ричард не слушал. Сняв сарацина, держащего танцовщицу, он разжал ему руки и бросил его на пол. В зале раздались возгласы одобрения и недовольства. Видимо, мнения мусульман разделились. Бан сильно волновался.

– Не нервничай, Бан, – проговорил Бэртон, – этот парень испортил всем вечер, и если Дик разобьет ему рожу, никто здесь, я думаю, не будет против...

Сарацин тяжело повалился на пол, и девушка испуганно замерла перед крестоносцем. Танцовщица растерялась, не зная, чего ждать от Дика. Они стояли друг перед другом, и ей было страшно. В это мгновение их взгляды встретились. Трудно сказать, что произошло тогда между ними, но с этого момента девушка уже точно знала, что не выдаст их.

В это время Артур Бэртон, поднявшись со своего места, говорил с сарацинами. Вопреки его предсказанию, не все присутствующие поддержали Дика, но у него нашлись и сторонники. Бэртон как искусный дипломат говорил тонко и умно, затягивая время и пытаясь свести на нет это, в сущности, банальное происшествие. Он почти достиг цели, мусульмане постепенно успокаивались, и Бэртон даже сумел повернуть инцидент в свою пользу... Но все испортил случай.

Сарацин, затеявший ссору, пришел в себя и решил отомстить. Схватив тяжелый подсвечник, он размахнулся и бросил его прямо в голову Бэртону. Артур стоял вполборота к нему и не заметил опасности. Но Дик, к счастью, увидевший это, успел вовремя предупредить его.

– Бэртон, пригнись! – крикнул он.

У Артура была мгновенная реакция, и это спасло ему жизнь, но одновременно он осознал, что все кончено и они попались.

– Немой заговорил! – крикнул кто-то.

– Да еще и по-христиански! – добавил другой.

Стоящий возле Бэртона сарацин разорвал ему ворот рубашки и сдернул с шеи нательный крест.

– Христиане!!! – закричал он.

– Истинно так, сын мой! – сказал Артур, резко и неожиданно ударив его кинжалом в живот. Кашляя кровью, сарацин осел на пол. Вырвав из его рук крест, Бэртон толкнул в плечо Бана и кликнул Ричарда. Надо было пробиваться к выходу.

Но мусульмане опередили их. Заперев дверь, они отрезали крестоносцам пути к спасению. Началась беспорядочная свалка. Вокруг засверкала острая сталь. Артур и Бан, став спина к спине, рубили нападающих сарацин. Девушка спряталась за Диком. Христиане дрались отчаянно, понимая, что им не одолеть так много врагов и шансов на спасение у них нет. Оставалось лишь умереть с честью и заслужить себе место в раю. Жаль, что Бэртон не верил в рай...

Артур и Бан, ломая и круша в пылу боя мебель, пробивались на помощь сражавшемуся в одиночестве Дикю. Бан был ранен.

Ричард со странным задорным и агрессивным отчаянием бил мечом почти не глядя и читал про себя молитву. Вдруг он почувствовал, что кто-то тянет его за рукав. Обернувшись, рыцарь увидел сарацинскую танцовщицу. Девушка знаками велела ему следовать за ней, она знала еще один выход отсюда.

Бэртон, поддерживая раненого Бана, наконец добрался до Ричарда. По щеке Артура тонкой струйкой стекала кровь.

– Она может помочь, – сказал Дик, указав на танцовщицу.

Бэртон молча кивнул, продолжая рубиться. Вчетвером под натиском мусульман крестоносцы отступали к дальнему углу, куда показывала девушка. Она старалась держаться возле Ричарда, потому что боялась Бэртона, а Бан ей не нравился. Возле стены, завешенной тканью, они остановились.

– Сюда, – жестом показала девушка, приподняв край полотна.

За занавесом был черный ход. Дик ногой вышиб дверь, и крестоносцы выбежали на улицу. Танцовщица неожиданно исчезла. Вроде бы она вышла вместе с ними, но непостижимым образом пропала неизвестно куда.

– Где девушка? – воскликнул Дик.

– Нет времени разбираться, – на ходу крикнул Бэртон, – не переживай за нее – девчонка знает, где спрятаться, кроме того она здесь своя, а вот нам троим точно отрежут головы!

Надо было спасаться. Артур и Дик, поддерживая раненого Бана, бежали по улицам Акры, а сарацины гнались за ними. Мусульмане трубили тревогу, крича, что крестоносцы в городе. Рыцарям повезло, что все сарацины, бывшие вместе с ними в притоне, были одурманены гашишем и не могли очень быстро бежать, прочие же защитники Акры еще не разобрались, в чем дело. Только этим да еще заступничеством Пресвятой Богородицы и можно объяснить то, что они каким-то чудом все-таки добрались до стен и, вскарабкавшись по своим веревкам, вырвались на свободу.

Акра гудела, как потревоженный улей. Но крестоносцы уже были далеко, скрываясь в сумерках, они добрались до христианского лагеря. Здесь друзей встретил Гарольд. Он с чувством поблагодарил их за спасение его семьи.

– А ты все не верил, что Бог существует... – весело сказал Бэртону Дик.

Спустя несколько дней Гарольд погиб в сражении.

– Ну вот и гадай теперь, Ричард, есть ли Бог... – грустно сказал Артур Бэртон.

IV. Ричард и Фатима

Бан был ранен не тяжело. Уже через неделю он встал на ноги. Вылазка в Акру прославила друзей, снискав им славу отчаянных храбрецов и героев. Особенно много внимания досталось из-за ранения Бану, и, честно говоря, ему это порядком льстило. Когда поблизости были дамы или просто доступные женщины, он сразу вживался в образ победителя сарацин и смотрелся очень искренне, разве что Артур мог сказать ему: «Бан, дружище, ты опять хромаешь не на ту ногу». Семью Гарольда Бэртон отправил на корабле в Европу.

Жизнь странствующих рыцарей, ставшая уже обычной для компании Ричарда, полная опасностей и приключений, текла своим чередом. Осада Птолемаиды продолжалась, истощая силы крестоносцев и мусульман. Дик часто вспоминал Аделину, но иногда его мысли стали обращаться к черноволосяй красавице, танцевавшей перед ним в Акре.

Время проходило быстро. Однажды друзья сидели, распивая дрянную брагу. Даже у лорда Джефферсона не имелось хороших напитков, тем более их не было у простых крестоносцев, поэтому рыцарям приходилось довольствоваться тем, что получалось достать. Кристофер Джефферсон тоже присоединился к ним. Он пил, но морщился.

– Хорошо бы сейчас отведать греческого вина из Византии, – мечтательно сказал он.

– Неплохо бы, – согласился с ним Бэртон.

– А мне и брага пойдет, – смеясь сказал Джек. Они вновь наполнили стаканы.

– А ведь по пустыням идут караваны, груженные всем на свете... – задумчиво продолжал Джефферсон, не слушая Джека.

– Это ты к чему, Кристофер? – заинтересовался Дик, отпивая еще глоток.

– К тому, – ответил тот, – что нечего сидеть и рассуждать о византийском вине, когда здесь на Востоке ничего не стоит добыть и его и все остальное.

Друзья прислушались. То ли Джефферсону ударила в голову выпивка, то ли лорда и тамплиера потянуло на приключения. Как будто во сне, он продолжал:

– Словно миражи, идут через пустыню караваны груженных золотом и самоцветами верблюдов и табуны арабских коней, они везут в Азию дорогие ювелирные украшения, константинопольское вино и прекрасных наложниц, а возвращаясь, привозят из Китая фарфор и шелк...

– Джефферсон словно и вправду видел всю эту роскошь, и прекрасных проданных в рабство дев с большими печальными глазами, и гордых арабских скакунов, и караваны, бредущие по пескам. Он говорил что-то еще, но Бэртона всегда интересовала суть.

– Короче, – сказал он, – ты что, предлагаешь ограбить караван?

– Да, – сказал Кристофер и замолчал, ожидая реакции друзей.

В те времена и в том регионе, где они находились, в предложении Джефферсона не было ничего необычного. Взаимные грабежи сопровождали все крестовые походы и составляли одну из основных целей воюющих сторон. Крестоносцы грабили мусульманские караваны и крепости, сарацины разоряли Византийскую империю и города христиан, здесь наживались несметные богатства, но нередко искатели приключений платили за это жизнью.

– К северо-востоку отсюда идет караван, – сказал Джефферсон, – он недостаточно сильно охраняется, и нам не составит труда захватить его, зато добыча может быть существенной.

Ричарда волновали вопросы чести. Он колебался.

– Но не постыдно ли нам, благородным рыцарям, пускаться на такое дело, когда наши мечи должны служить освобождению Палестины? – усомнился Дик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.